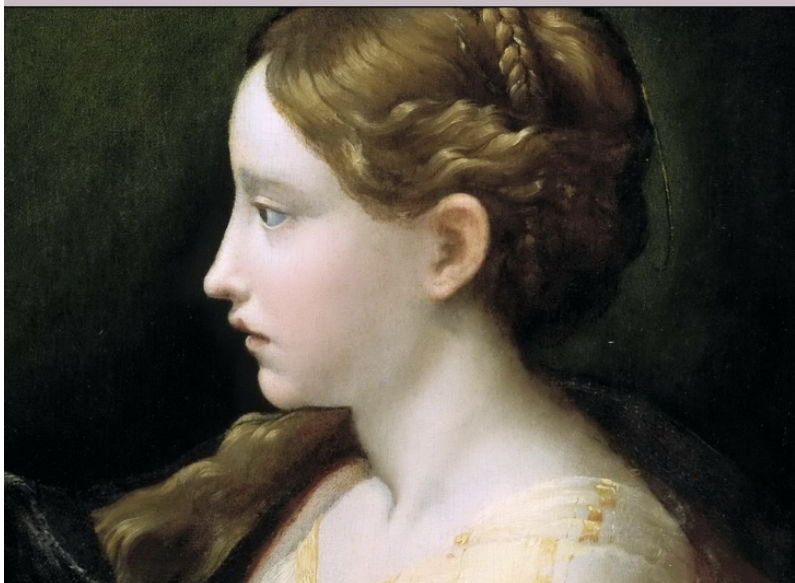

Федор Метлицкий

Каменя Дианы

Повесть

Федор Метлицкий

Камея Дианы. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19147931

ISBN 9785447491482

Аннотация

Авторитарного лидера маленькой славянской страны, отделившейся от Большого соседа, пытаются сместить, уличив в связи с любовницей. Но в глазах друзей он совсем не такой, каким его видят. Он мучается над загадкой природы человека: способен ли он, вернее, его избиратели, изменить свое «коллективное подсознательное», или цепляются за устоявшееся, как бы чего не вышло? Это не праздный вопрос. Необходимо реформировать страну, стоящую перед мировыми угрозами, но это грозит гражданской войной.

Содержание

1	5
2	16
3	21
4	27
5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Каменя Дианы

Повесть

Федор Метлицкий

© Федор Метлицкий, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Авторитарного лидера маленькой славянской страны, отделившейся от Большого соседа, пытаются сместить, уличив в связи с любовницей — прекрасной Еленой. Но в глазах друзей, в тайной квартире со своей любовницей он совсем не такой, каким его видят. Он мучается над загадкой природы человека: способен ли он, вернее, его избиратели, изменить свое «коллективное подсознательное», или цепляются за устоявшееся, как бы чего не вышло? Это не праздный вопрос. Необходимо реформировать страну, стоящую перед мировыми угрозами, но это грозит гражданской войной. Любовь помогает ему не потерять веру в людей.

1

По утрам Глава одной маленькой славянской страны, отделившейся от Большого соседа, в своем старинном Дворце плавал в личном бассейне, бултыхаясь и фыркая в прозрачной зеленоватой воде. Это было не роскошью, а элементом трудового распорядка, требующего расслабиться перед непомерно тяжелым днем. И хотелось, как земноводному, никогда не вылезать из воды, снимающей земное тяготение.

Ничего вроде не предвещало беды. Сотрудники аппарата занимались своими делами, тихо, не поднимая глаз, словно были из других одиночных вселенных, – недавно шеф снизил им зарплату. Поняв ситуацию, многие отсеялись, остались те, кто работал не только за деньги.

Глава нутром ощущал подземные толчки, говорящие о величайшем неблагополучии мирового устройства. Не мог, как обычные люди, лицезреть мировые потрясения со спокойным любопытством.

На этой планете происходит нечто надолго угнетающее все живое, судя по ускоряющемуся вымиранию фауны и флоры, уже шестому в истории. Продолжается мучительное исчезновение, уже до четверти, самых нетронутых чистых и непосредственных существ в мире – животных (он почему-то вспомнил любимую собаку, которая умирала на его руках), становятся пустой водой океаны, потеряв-

шие более 40% планктона. Зловещие пылевые бури из высушенной человеком Сахары накрывают землю, забивая легкие песком и напоминая о конце света. Агрессивная машина корпораций, неспособная остановиться, высасывает из души и недр живые соки, омертвляя все, к чему прикасается. Может быть, из этой ямы уже не вылезти.

Пассионарные волны человеческой энергии, как во времена вселенских вспышек по градации Льва Гумилева, накрыли Север и Юг, Запад и Восток. Тут и там идут местные гибридные и информационно-вирусно-хакерские атаки «мягкой силы», с вспышками локальных боев и забросами снарядов за пограничье соседних стран, убивающих мирных граждан и детей. Из воюющих без объявления войны сторон несется осатанелая пропаганда, подбирающая все дерьмо враждебной страны и сладострастно бросающая в глаза миру. Поднялись мстящие за вековую несправедливость отряды радикальных «исламистов», уничтожая артефакты цивилизации, потому что все равно будет конец света, и на голой земле возрождение Ислама. Началась резня и обезглавливание заложников, облаченных в красные рубахи, в «нечестивых» странах взрываются живые бомбы – шахидов-смертников. На Главу пахнуло опасностью – представил, как его придут убивать вместе с его народом.

Потоки несчастных беженцев, отчаянно цепляясь за любой движущийся водный и наземный транспорт, бежали через его маленькую страну от нищеты и наступающих голо-

ворезов во встревоженную сытую Европу. Так в детстве родители с ним на руках бежали из их фермы от этнической резни, куда глаза глядят, похватав самое необходимое.

Пустой круговорот противостояний, записанных в библиотеке истории планеты, продолжается сейчас. Веселую всеобщую близость, заложенную в душе человека, победила вражда между локальными близостями племен, защищающих «своих» от «чужих». Поток живой сознающей энергии, обретший телесность, пошел по какому-то разбитому бездорожью эволюции вселенной.

В том бурлении маленькую славянскую страну раскачивало, как в шторм с ударами грома. Главу тоже раскачивала постоянная опасность разрушения его дела. Он думал, что будет с его народом, который за столетия еще и не воспринял по-настоящему. Его тревога возрастала, словно грозные вихри были уже близко от его родины. Может быть, это был еще страх за свою жизнь?

Страна переживала кризис власти, уже давно пережитый Большим соседом. Забыли даже о заинтересованных странах, подошедших с зенитно-ракетными комплексами «бук» к самой границе, правда, там не было видно желания нападать. В жителях, до сих пор сидевших в глубокой аскетической нищете тела и духа, зреет что-то. Это видно по возбуждению недовольства, чреватого цветными революциями, уходам добровольцами на защиту славянского мира, или в правоверную страну для борьбы за справедливость против

нечестивого мира.

Глава не знал, что произойдет, но тревога в его душе отдаляла ту безмятежность жизни до избрания, куда хотел вернуться.

Он обрадовался, когда в бассейн вошел старый друг писатель Нелепин, партнер по нескончаемым спорам. Иногда он приглашал близких людей, расслабиться и развеять его тревогу.

У писателя хищное выражение худого лица, он похож то ли на Вольтера, то ли на Олешу и Паустовского сразу, и язвительно-умная усмешка мудреца. «Ужасное лицо, морщины какие-то чужие, не мои», – удивлялся он всей своей внутренней молодостью.

Они плавали рядом и, фыркая в воде, с трудом спорили. Писатель плыл осторожно, чтобы не мешало речи. Он успевал развернуть целую философию.

– У твоих избирателей коллективное бессознательное живет в застывшем трехмерном классическом представлении, как говорят философы. Мышление древних слепо тыкалось в низкий свод сырой и мрачной пещеры Платона, потом – в низкий дырявый потолок сарая, и дальше будет метаться в прозрачном стерильном здании холодного будущего.

– Что имеешь в виду? – спросил Глава и нырнул.

– Мир словно тяжело остановился на рациональном материальном уровне. Я понимаю наш трехмерный мир как но-

вую эпоху оживших ящеров, ощетинившихся иглами стальных стволов орудий, которые огрызаются от своры таких же хищников.

Он говорил о трехмерном мышлении, как о трудноуловимом, неосознаваемом измерении старой эпохи. Оно становится видным только при смене эпох. Чем это выражается? Устаревшей классической физикой? Бездушным стилем «техно» в архитектуре? Привычкой наций захватывать чужие земли, доминировать в мире? Порядком, установленным миром победителей над побежденными? Или четко очерченным отношением «своих» к «чужим», Запада к Востоку? Оно такое же неверное, как было в представлениях древних, воображавших, глядя на горизонт, что Земля плоская.

– Недаром ученые и философы ищут за пределами трехмерного мира – там небывалая новизна, открывающая невероятные возможности!

Спор как-то не сочетался с нелепой обстановкой, по шею в прохладной воде. Глава плыл боком, чтобы говорить.

– Для человека не существуют иных измерений, кроме трехмерного. Человечество выработало свой коридор в эволюции – и в нем всего три измерения физического пространства и протяженности. В других пространствах нас уже нет – там не люди, а другие существа, может быть, с четырьмя ногами и раздутой головой.

– Нет, это мы странные существа в этом коридоре, с за-

стывшим механическим мышлением. С привычным линейным пространством, уходящим в пустоту, движением – в поисках спасения и выживания, временем, застывшим в бессмысленном круговороте. Вспоминаем о планете по привычке, ежедневно беспокоясь о погоде. А общественные взаимоотношения видим похожими на работу деталей паровой машины. Любой объект – устройства, технологии, в том числе живой организм, могут быть разобраны на части, объяснены и тем покорены и объединены. В этой эпохе, в элите, в обычных людях, – между нами пустота, отчуждение. От метафизической печали одиночества спасаемся в общине. В этом трехмерном мире нет тепла. Мы устали от него.

Глава энергично поплыл от него.

– Не так мрачно! Мы давно живем в информационном мире технологий «Три-Д»... переживаем как наяву картинку, где все движется, шумит, взрывается... в смодулированных нелинейных эффектах... а с погодой сверяемся не механически, потому что ежедневно тревожимся за состояние планеты... может, и неосознанно.

Он схватился рукой за кромку бассейна.

– А разве это видимость, когда уже на принтерах «3-Д» выращивают части тела, черепа, кости и органы для замены. А лечение лейкоза?

– Да, есть креативщики, с помощью своих технологий лечащие организм человека. Но они не спасают от холода.

– Разве создание новых способов лечения не дает тепла?

Вот как ты думаешь о цивилизации! Это в тебе – никакого тепла.

Писатель засомневался.

– Наоборот, добираюсь до глубины понимания. Тот, кто до конца не разворошит причины страданий человека, тот не может его жалеть.

Глава оттолкнулся от кромки бассейна и поплыл навстречу.

– Это время переходное, где открывается мир во всех его противоречиях, становится видным сразу со всех сторон, как на божественной картине. И никто не знает, каким будет новый мир.

– Разве не видишь, как деградирует человеческая личность? – вскричал писатель, болтая ногами в упругой материальности, чтобы держаться. – Хотя рухнули системы тоталитаризма, когда обезумевшее население-зомби топтало своих граждан и прославляло убийц, но массовое зомбирование продолжается. Не замечаем, как приходит новое, верим пропаганде в «Парламентском часе» на телевидении, увлекаемся детективами и сериалами, хавая залежалые истины придумщиков, желающих только одного – врезать по нервам всякими ужасами.

Нелепин поежился от внезапного озноба.

Наконец, Глава сел на ступеньке, вытираясь поданным помощником полотенцем.

– Может, подскажешь, что делать?

– В нашем воображении этот мир, притягивающий к земле по закону тяготения, существует, несмотря на открытие теории относительности и квантовой физики. Нужен новый гений, чтобы перевернуть мозги эпохе, всему миру!

От нового озарения Нелепин рванул вперед в ослепительную даль.

– А что же делать сейчас, пока он не появился?

– Ничего!

– Это все слова. Шаляпин грозил: «Люди гибнут за металл! Сатана там правит бал!» – но ничего не происходит. Изменяют жизнь не переживания или слова.

Нелепин наткнулся лысой башкой на кромку бассейна, застонал от боли.

– Зачем прямоидущий человек из всех солнечных дорог во вселенной выбрал самый легкий путь – назад, снова опускаясь на четвереньки?

Погрузился в воду с головой, и выскочил захлебываясь.

– Чтобы что-то поменять, для этого нужно иметь иные мозги, чем пользуются на Земле.

Глава поражался: как ему удастся видеть мир не таким, как обычно видится человеку? И о чем он сам смутно догадывался.

А Нелепин, одеваясь, рассказывал занятные вещи. Чтобы не стать куском льда, бессмысленно крутящимся в космосе, или не изжариться до испарения, изворотливое сознание человечества наложило на квантовую неопределенность трех-

мерное измерение в единственно возможном для существования человека интервале между сильным и слабым электромагнитным взаимодействием, хотя такого измерения на самом деле не существует в природе. Бессмысленно говорить о микромире или макромире и мерности пространства, потому что пространство образуется взаимодействием объектов и субъектов бытия. И в точке, плоскости, линии нет никакой толщины и границ, это иллюзия, придумка чистой геометрии. Посмотри в микроскоп – не увидишь никакой грани предмета. В универсуме есть лишь некие законы, обеспечивающие равновесие и стабильность макромира.

– Мне стало грустно, – продолжал он. – Так и должно быть с сознанием человека, который из всех солнечных путей Бога избрал библейский путь отпадения от рая. Я стремлюсь отринуть строительные леса ученых, воздвигающих трехмерное мироздание, чтобы увидеть иное, совершенно фантастическое. Наш физический мир есть квант энергии. В квантовой реальности вращаются солнечные атомные системы, цветут невероятные цветы прозрачно-радужных сфер, расходящихся гармоничной музыкой. И там, в сердцевине музыки сфер, открывается частица Бога.

Нелепин ничем не мог помочь, но пробуждал воображение, и Главе открывался неопределенный выход. Это как после посещения выставки живописи выходишь, и в глазах цветные пляски, но вскоре все снова становится обычным, серым.

Вошел председатель комиссии Парламента по расследованию Базилевский, генерал с густыми черными волосами, треугольником доходящими до покатога лба, без единой сединки, с бесчувственным лицом и холодными глазами. Он недовольно покосился на писателя.

– Срочное дело. Важное сообщение.

Нелепин заторопился одеваться.

Глава сердито вытирал плечи. Он знал, что это за сообщение, но легкая тревога отразилась на его мокром лице.

– Подождите, я закончу.

Одевшись, Нелепин деликатно попрощался и вышел. Тогда генерал сообщил:

– Мы получили информацию, что на вас хотят совершить покушение.

– Знаете, кто?

– Ищем. Объявили операцию «Захват».

– Вот когда найдете, доложите.

Недовольный приемом генерал сказал тоном подчиненного, но уверенного в своем профессиональном превосходстве.

– Распустили народ. Ваши надежды на гражданское общество, которое само может править, не сделает страну сложным гармоничным механизмом, а просто развалит ее.

Глава, с полотенцем на шее, повернул изумленное лицо к собеседнику.

– В вашем ведении – безопасность. Не лезьте в дела управ-

ления.

Генерал презрительно наблюдал, как Глава одевается. Падан из мягкосердечных либералов. Что он, не видит угрозы?

Это их давний спор, не вызывавший ничего, кроме раздражения. На Главу пахнуло бездушием, которое не признавало в нем живого человека, – метафизическим злом, но почему-то нужным ему сейчас, перед неопределенной большой угрозой.

Наконец, тот не выдержал:

– А ваши беспорядочные связи подрывают престиж власти.

Глава перестал вытираться, и отбросил полотенце. Он был уязвлен. Речь шла о его новой любви, которую он тщательно скрывал. Люди всегда подхватывают то, что может свернуть шею власти. И теперь ему приписывают чуть ли не грязные дела.

Этот нейтральный человек – самый опасный во власти, может устроить заговор, если все пойдет не так. О, как он ненавидел это отчуждение, которое не резало ножом, не расталкивало локтями, а просто видело его вне своего интереса!

– Порядок власти не нами установлен, – твердо сказал генерал. – Сколько империй погибло из-за неуважения народа к власти.

2

Эта маленькая славянская страна, отделившаяся от Большого соседа, с которым при разводе не поделили имущество, стала полагаться только на себя и свои внутренние ресурсы. Здесь тоже переходили на «импортозамещенные» продукты (из-за мировых санкций, наложенных на Большого соседа, повлиявших и на эту страну). Однако дремлющее отечественное производство почему-то не проявляло энтузиазма в замещении импорта, словно ожидая чуда. Уставшие от нехваток и сложности накормить семьи, люди тем не менее ничего не предпринимали.

После развода с соседом страна сохранила такую же структуру власти и все приемы управления вместе с налаженной коррупцией. Ничего не поделаешь – славянский мир! Ее называли изгоем.

Эта этническая общность родилась когда-то из бурлящего водоворота диких орд в регионе, то складывающихся в большое государство, то раздираемых на малые из-за постоянных этнических войн и борьбы за землю на перекрестке торговых путей и финансовых потоков Запада и Востока. Впрочем, об этом можно узнать из источников.

Здесь веками искали национальную идею. И находили! Вначале это было: «Бей чужих!», потом «Бей своих, чтобы чужие боялись!» и «Обогащайтесь!», а теперь были в боль-

ШОМ СОМНЕНИИ.

В разные эпохи настроение народа было разное. Покорность року людей в древности, пригнутых земным тяготением, без возможности думать налегавших на соху, бороздя свои нищенские наделы от зари до зари, чтобы выжить. Своеволие гуннской вольницы, открытой на захват просторов, затопившей кровью степи земли, с тяжелой поклажей награбленного добра за спиной. Независимость средневековых представителей цехов и гильдий, всегда готовых встать за свои религиозные убеждения; высокодуховное нищенство на стройках коммунизма; светлая вера оттепелей, призывающая быть добрыми и нравственными при лютой деспотии.

Сейчас уже не так важны конфликты иерархического неравенства, соблюдение аристократических или буржуазных приличий, скрывающее изломанные судьбы чистых влюбленных романтиков, они остались только на страницах знаменитых романов, вроде «Саги о Форсайтах». Люди забывают кажущийся теперь возвышенным настрой жизни религиозных предков – тревогу и ответственность перед Богом.

Сейчас другие конфликты, высунулось голое содержимое человека. Началась эпоха всемирного осознанного невежества, то есть освященной знанием неприкрытой борьбы за выживание и успех (недостаток воспитания и образования тут не при чем, нынче все воспитанные и образованные, сто-

ят на вершине знаний из телевизора и интернета, накопленных человечеством). Сейчас весь мир пропитан коррупцией, от подвалов бомжей до властных кабинетов с государственными гербами и флагами. От продавцов мест в дырявых лодках для беженцев, хлынувших через эту маленькую страну в сытую Европу, обирающих их цыган, за валюту предлагающих транспорт и бросающих в пустом поле с самодельным указателем «На Берлин», до государственных взяточников, продающих шенгенские визы.

Мышление жителей маленькой славянской страны не хочет выходить за рамки того, что их пугает. В них совмещается нежелание изменяться, цепляясь за остатки стабильности (как бы не было хуже!), и тревога нестабильности с желанием изменить это состояние, или «отвалить» в любое время в случае неудачи.

Они говорят о закрепощении авторитарным насилием, и дают разгуляться своей славянской душе, кроя в интернете власть, и самого Главу чуть ли не матом, и на дорогах стреляя из травматических пистолетов в неуклюжих автолюбителей и пешеходов. Не желают видеть уродства жизни, больных, сирот, тем более брать их в свои семьи на воспитание. И не выносят неприятной правды. Тележурналистка показала в своем блоге пожарище на враждебной стороне и плачущего ребенка у тела мертвой мамы, и это не понравилось, — ее выгнали из телевидения. Нельзя жить под грузом невыносимой правды. И никому не верят, не признают любых ша-

гов власти, всегда стоят в оппозиции, неприятии социальных перемен, словно за их спинами стоит скалой некая альтернатива, которую целиком принимает душа.

Наверно, поглощенность бытовыми заботами отбивает желание искать еще какие-то смыслы.

*

Стефану удавалось глубокой ночью, когда одолевала бессонница, писать дневник, чтобы удержать сознание на высоте, не впадая в цинизм политики. Это не регистрация событий, как у последнего императора России, а стремление захватить мгновенно возникающие мысли в некую оболочку, удерживающую вместе с корнями и аурой весь ее цветущий облик, всю ее цельность. Он всегда чувствовал то, к чему стремился, но забывал в вытесненной событиями внутренней жизни, и вечерами докапывался до озарений в своем дневнике. Что это за движение пластов души, когда над плато внешних нагромождений вдруг мелькнет свет озарения, и снова исчезает?

Странно, как быстро появляются и исчезают волны пассивности у насельников моей страны. Бывали времена, когда от страха за самое дорогое – жизнь все внутри затаялось, боясь ночного шума «черных воронок» за тревожной тьмой окна, и спастись можно было только прячась

в глубинке, или оговорами и доносами на ближнего. И вдруг – опадали страхи, энергия людей освобождалась из состояний аскетизма и сдержанности души, и наступала оттепель, и буйно перла из-под асфальта ликующая зелень.

А теперь снова идет накат старых, никуда не ушедших страхов, и люди думают только о полном холодильнике, и смотрят по ящику безопасные развлекательные сериалы, так, что нельзя оторваться.

Что это за подземный затухающий гул истории? Почему людям так уютно сидеть в духовном бездорожье и грязи, опасаясь, что бездушные силы Системы могут притянуть к ответу?

Это не естественное желание прямоидущего человека в энтропии вселенной снова вернуться в первоначальное состояние – пасть на четвереньки, как думал мечтающий о честности в закрывшем все ритуале лжи писатель тоталитарной эпохи, скрываясь в сокровенных дневниках. У человека нет желания расслабиться, опускаясь на четвереньки. У него постоянная забота о себе, ужас от мысли о насильственной смерти – быть съеденным. Опускание на четвереньки помогает затаиться.

3

День Главы государства был таким плотным, что у него не было личного времени. Он был в стремительном потоке, в котором приходилось напрягаться, чтобы удерживаться на плаву. Но он был защищен от бурунов многослойной защитой – кольцом передвижных пусковых ракетных установок на границах, правда ржавых, оставшихся после дележа с Большим соседом, и цепями национальных гвардейцев, стерегущих его думы о народе от напора националистов и «пятой колонны» внутри страны.

Сухой желчный Глава, когда-то не желавший сакрализации своей должности, но насильно возведенный в ранг короля архаическим подсознанием людей, был объят тревогой.

Он не любил свою работу, она связана с постоянным изнурительным напряжением, иссушающим душу. Может быть, это не его? Конечно, были и замечательные стороны, когда догадки озаряли его сознание, и он заражал всех, убежденный в истине.

Работая с документами и глядя на молодых чиновников, ждущих его подписи, читая письма жалобщиков, он завидовал им: они счастливее его, не окунаются с головой в дерьмо политики, как он, хотя легковесно проникаются ею сидя перед телевизором. Их упорядоченный труд не оседает ночной бессонницей, они не знают той непомерной ответствен-

ности, что гложет лидера, у них короткая ответственность – за своих близких. Погружены в уютное существование, личные переживания любви и страданий, восхищаются волшебным мельканием пальцев пианиста, расслабляются в ресторанах в интимной обстановке, горделиво кушая контрабандные не импортозамещенные вкусности, радуются туристическому отдыху в отпусках, надеются на власть и клянут ее, обвиняя во всем, и мало думают о том, что за чертой. А как иногда гордятся, снимая с себя любую другую ответственность!

Но и он, наверно, тоже чего-то не видит. Мы просто не знаем того, что вне досягаемости наших интересов. Невзгляд в небытие, отрезанное от нас, – это когда не посмотрел в ту сторону и пропустил. И где тут грань ответственности? Может быть, она в широте кругозора? В погоне юркой реальности за успехом ценность поисков смысла жизни безумцев не от мира сего – на последнем месте. Главное – туповатая жажда жить, процветать и подольше не умирать. И не надо идеализировать человека. Пока мы живы, надо жить и благодарить Создателя!

Ответственность обратно пропорциональна бездумному наслаждению жизнью. Чем она больше, тем меньше обычных человеческих связей и близости. Дружелюбно спорящие друзья, если бросить их на вершину власти, могут стать идейно непримиримыми, даже со смертельным исходом, ибо будут решать уже не свои проблемы, а всего общества. Ему,

лидеру, дана тяжкая мука глобальной ответственности. Может быть, его сакрализируют за это – атлантово несение тяжести ответственности за всех. Как сакрализовали Иисуса.

Отсутствие ответственности (кроме той, что в узком луче тепла, обращенного только на близких и свои интересы), порождает зияния пустот и нестыковок в структуре общества, отчего Глава ощущал, что управление уходит из его рук. Как тренер футбольной команды обнаруживает, что игроки «себе на уме» пинают мяч нехотя, имея свою цель, как в «договорном матче». И он ничего не может сделать, хотя виноватым будут считать только его.

Дай таким волю, без ручного управления, – развалят страну, – думал Глава. – Массы еще не готовы.

Недаром он всегда жил под стрессом обвинений и угроз цветной революции. Казна всегда на пределе, и приходилось с кровью резать разделы бюджета, только не дай бог социальные – тогда сместят, и неизвестно, что с ним будет.

Ну, уж этого он не допустит! Правда, смерть с автоматом наперевес – это не его. Надо делать так, чтобы не повесили за ноги, и дали дожить на пенсии.

В юности он хотел быть литератором, ему снились метафорические образы его судьбы, как Лермонтова преследовал образ Демона. Но пришлось заниматься политикой.

Живая сознающая энергия, как выражается мой друг писатель Нелепин, в своем бытии подобна мечущемуся психически больному, постоянно наносит себе раны.

Вечное противостояние – между силами творения и сдерживания. Сдерживающие силы хотят удержат энергию в стабильном состоянии, пусть это дает возможность только тления. А безумные молодые языки энергии рвутся в пространство нераскрытых возможностей. Вроде бы никто не хочет разрушения, кроме «свободных радикалов», жаждущих выхлестнуть свой адреналин.

Люди, как и в прежние времена, пахнут поля, изматывают себя на конвейере мануфактуры, отдавая налоги государству, а оно занимается своими подозрительными делами: готовится к отпору чужих народностей, иногда, если те зазеваются, прихватывает земли, которые по прошествии десятилетий делаются неотделимыми от родной земли, уже не оспариваемой никем.

Мировой политикой двигают эгоистические интересы, на поверхности проявляемые не проясненными предрассудками и предубеждениями.

Особенно смысл человеческой активности проявляется в стремлении людей обладать «версалями» с их парками, садами и прудами. Это тысячелетняя сублимированная

ная жажда человека найти блаженный рай, отгороженный от земной юдоли неприступными валами.

Человечество изобретает все новые изоциренные формы самосохранения. Невольно вовлекается в неведомое, веря, что там ему сделают лучше.

Энергия живого во вселенной – коварна, в ней нет совести, как у природы.

Я не могу сдвинуть структуру тысячелетней человеческой истории. Она кажется незыблемой – в ее сердцевине, видимо, скрывается равновесие борьбы обладателей благ, устроивших себе роскошный скучный рай, и не имеющего ничего, кроме своих цепей, пролетариата, полунущих слов чиновничества на зарплате, малого и среднего бизнеса, работников интеллектуального труда, которые сомневаются в справедливости мира.

Сейчас внутри страны, после разборок друг с другом местных этнических групп, воцарилось перемирие, нечто вроде гармонии: государство народу – ничего, и народ государству – ничего. Народ разложился – в новую эпоху Золотого тельца, некому защищать родину, не дай бог! – в предстоящей войне. Недаром некоторые клерикальные «бесогоньы» призывают к войне с враждебными соседями, чтобы не одрябла окончательно душа паствы.

Неужели мы расслабляем людей, добиваясь их свободного развития? И нужна мобилизация духа сплоченности, который помог победить в последней великой отечественной

войне с посильным участием и моего маленького народа?

4

А как начиналось его правление!

В результате междоусобных склок элит власть сама пала к ногам его партии, как ее называли, младореформаторов. Это был результат ее давнего противостояния с партией националистов, приверженной собственному суверенному пути развития.

Элиты смирились: молодой интеллигентный лидер партии – удобный для них, ибо не будет мешать править «семибоярщине». Вид харизматичный – медальный профиль, а внутри – романтик, тряпка. Такой устроит. Они не знали, что у него удивительное умение затаиться, а потом в нужный момент броситься вперед, и выиграть.

Он стал правителем общества, над которым высятся холодные громады занятых собой корпораций, и всегда на страже – некая кафкианская машина сбора налогов, имеющих способность самовозрастать (как и цены на питание и другие необходимости), равнодушные суды, предназначенные только для посадок. И царит поголовное холодно-расчетливое взяточничество, которое нельзя упразднить, иначе без смазки рухнет система.

Такая система балансирует на грани, вызывая в человеке безнадежное чувство, заставляет его браться за файеры и куски выломанного асфальта – оружие интеллектуально-

го пролетариата, или, из безвыходности, убивать обидчика и себя, совершая самосуд.

С приходом нового лидера народ, по историческому обыкновению, воспрянул. Молодой энергичный лидер, образованный, называет его «субъектом истории», говорит слова типа «эмпатия», смелый критик системы, совесть эпохи. Наконец, настоящая замена геронтологической власти «дворцовых старцев». Еженедельно отчитывается за проделанную работу по главному каналу телевидения. Терпит критику, не отвечая на оскорбления. Сделал все языки этнических нацменьшинств – болгар, венгров, албанцев, мусульман, турок официальными, чем резко снизил противоречия между ними и запутал поток деловых бумаг.

В качестве уступки «западникам» – перевел алфавит на латиницу. Хотя был против федерализации, то есть очередного разрыва страны на кусочки.

В народе снова появилась надежда на чудо. Хотя глухие окраины, где пахали ради своего выживания, и знать не знали про воцарившегося где-то в богатом центре нового лидера.

Он бессознательно стремился честно вести дела, и не мог опуститься ниже, куда бы ни вел его трудный путь через пропасти непонимания.

Все считали, что он видит далеко вперед. Но у него, казалось ему, не богатое воображение, а постоянные тычки

в темноту непознанного, откуда случайно выплескивались догадки, что предпринимать.

Соратники остерегали его от десакрализации власти – народ перестанет уважать. Зря, мол, добился, чтобы его должность скромно называлась «Глава», как и губернаторов – главы. Наверно, это из детства – неосознаваемое желание пригнуться, сделаться незаметным. Но его все равно называли Стефан VI, памятуя о прежних одноименных королях. Лучше было бы установить не только институт президентства, а стать монархом. Политика – это всегда противостояние личности и толпы, и он мог бы стать над всеми, быть арбитром.

Но он доказывал, что это представление из глубокой архаики. Обыкновенный неглупый председатель сельскохозяйственного кооператива, избранный в вожди, может хорошо научиться искусству управления огромным хозяйством и ладить с людьми. Но почему тогда с таким придыханием смотрят на него даже самые умные люди, занятые более узким делом? Вал обожания катится за ним, если даже он ничего не делает. Странно, люди не знают, как серо, не понимая многого элементарного, как они сами, может жить лидер. Хотя у него появилась некая интуиция, когда ручейки многообразного опыта вдруг выявляются мгновенным озарением, которое философы называют сверхинтуицией, связанной не с классической физикой, а с квантовой неопределенностью.

И он добродушно отвечал, что хочет избавить элиту от закоренелых привычек и предрассудков властей, воспринятых от всех исторических эпох.

Власть представлялась таким же образованием, как и в древности: грозный вождь (на коне, в колеснице, под паланкином на носилках, на броневике, простирая руку, зовущую вперед, в бункере склоненный над военной картой) и ведомые им подданные.

Все духовные лидеры или оказывались чистыми утопистами, и вызывали еще больший террор, или быстро приспособивались, сколачивая мощную силу, опирающуюся на зомбированное большинство, вели столетние войны алых, белых роз и других цветов, и в конце концов нередко погибали от своих же. Но странно вот что. Великие убийцы всегда становились легендами, а праведных народ как-то не прославил ни в мифах, ни в легендах. Неужели святость не интересна человеческой натуре?

Устройство власти такое же архаичное, деспотичное, но прикрытое демократической толерантностью, закрепленное сводом законов Общественного договора. Шаг направо – клетка, шаг налево – решетка (хотя сейчас больше домашний арест). Почему такая власть держится тысячелетиями неизменно?

Правда, в древности карал один, теперь – большинство карает меньшинство.

Несмотря на свободу, которую он дал бизнесу, почему-то средний и малый остался зажатым, как плитой, неистребимой бюрократией.

Подготовленный его командой закон о преференциях некоммерческим организациям привел к массовым выходам на дворцовую площадь различных сборищ, представляющих все слои населения, раздирая сознание людей на части.

Военные выбивали через Парламент непомерные вливания в оборону. Учения на границе, сопровождаемые их воинственными кличами, вызывали тревогу соседей и грозили сползти в «гибридную» войну.

Новый Глава государства знал: когда волна доверия схлынет, придется доказывать свою необходимость работой по черному. Общество будет отвечать немилосердным стадным улюлюканьем, могут и разорвать.

*

Путь самопознания у Стефана был трудным. Он рос на провинциальной окраине у гор и моря, «фотографируя» девственным умом впечатления натуральной жизни, и только потом осмысливал их. Вглядывался с утеса в непонятое первозданное средиземноморье – дорожка света в кажущейся неподвижной солнечной бездне воды уводила в великую древнюю историю, а дальше в иную страну, где нет испугавшей его мысли о смерти после похорон матери, и вообще

времени и пространства. Это скрытая за трехмерным миром квантовая реальность, где цветут невиданные цветы переливающихся сфер.

Окружение не было ему интересным. Да, любил – близких. А вот равнодушных людей вокруг не любил. Экстатичный философ Бердяев писал: «Во мне всегда была неслиянность ни с чем, и в то же время слиянность со всем» У него же в детстве была неслиянность ни с чем, вернее полная каша в голове, и неопределенная слиянность с морской далью.

За его спиной всегда сияло ослепительное средиземье. Там было то, что он любил. Вспоминал стихи своего друга молодости – писателя и поэта Нелепина.

*И всплывает родина —
средиземным своим побережьем,
Словно в ней источник один —
материнская даль.
Только в ней окунувшись,
и снова выявлюсь прежним,
Средиземной надеждой,
густой,
как в начале начал.*

Он учился в университете, в столице общей Большой страны, которая еще не была недружелюбным соседом. И поражался, почему сверстники не знают этой его печали, того,

что творится в них и вокруг, и остаются в коконе знаний, что дают единые учебники, ЕГЭ и телевизор. Они не знали внешкольной литературы, философских споров великих людей, тем более самой философии. Как можно прожить жизнь, не читая литературу, философию? Брать идеи только из телевизора?

Его старший друг Нелепин смеялся:

– За что на них злиться, если голова не способна осмыслить свою жизнь? Видят фотографично, и не могут извлечь идею, смысл. Это и у много переживших людей! Впрочем, сон разума свойственен и целым народам.

Во время перелома в жизни страны произошло раздвоение в головах, и даже друзья стали по разные стороны. Есть черта, после которой близкое и понятное друзьям перестают быть общим переживанием. «Как они могли?» Он удивлялся: черт знает, почему так происходит с людьми?

Но друг Нелепин не верил в необъяснимость перемены мыслей друзей. Убеждения складываются в сознании как равнодействующая из всего, что человек впитывает в себя, как губка. Такими они сохраняются неизменно, хотя большинство умеет ловко приспособливаться, затаив свою суть. Только трудно распознать их вовремя.

У таких людей, с остановленным кругозором, нет внутреннего роста. Их не мучают вопросы о смысле их судьбы. За ненадобностью или из душевной лени. Даже у тех, кто много читал, поглощая уйму книг, и сам писал статьи или

книги.

Есть такая порода людей: внезапно наливаются кровью, когда кто-то открыто говорит о своих сомнениях в политике власти, в их приспособленчестве и пристрастии к конспирологии – теории мирового заговора.

Стефан провел жизнь в мучительных мыслях, как избавиться от «ватности» своего характера, неопределенности в себе, когда бегают глаза, не зная, что сказать о том или ином жгучем вопросе. У него в детстве не было Учителя (разве что Нелепин?). Это самая большая беда! В школе преподаватели были какой-то невзрачной полегшей травой. Настоящие Учителя куда-то исчезли. Он самостоятельно влекся к удивительным книгам, открывшим мир, правда, потом многие стали такими же серыми в своей относительной истине.

Сколько перелопачено книг, которые в новой эпохе остались хламом, сколько исписано дневников, чтобы, наконец, ощутить в себе твердый стержень, выходящий подлинным убеждением и словом. С настоящим Учителем путь был бы намного короче.

Ему, провинциалу, было гораздо трудней пробиться к себе, чем столичному тепличному растению, окруженному книгами и живыми знаменитыми мыслителями.

Со временем в немросло что-то упрямое, способность разметать чужие сопротивляющиеся предубеждения, чтобы застолбить свое. Черта лидера.

5

Главе было тесно в трезвом трехмерном мире современников, и он пытался найти новые модели развития.

Хотел создать прочную квантовую структуру гражданского общества. Но пока сохранялась прежняя крепкая, не укусишь, структура управления, которую все бессознательно считали нерушимой и сакральной, хотя ежились от ее холода, как от ненастной погоды.

В юности он мечтал, что в своих книгах изобразит всех насильников, воров и взяточников, припечатает вплоть до подлинных имен и фамилий, с указанием адреса, чтобы их презирали и ненавидели. И только позже испугался, что это воплотилось в сайте-указателе ярого националиста, по наводке которого стали убивать несогласных.

В туманной дали он видел колышущуюся массу, которая опомнилась от чада выживания и постоянно необходимого потребления, и новая жизнь вдохнула в них великую национальную идею, владевшую их молодым лидером, когда народы, «распри позабыв, в великую семью соединятся». И главным отличием страны стали не «дураки и дороги», а «личности и гладкие, как смазанные маслом, пути», ведущие в неведомый волнующий горизонт.

И сейчас иногда он по-детски мечтал, чтобы Создатель сверху сделал работу за него: мгновенно смахнул весь мусор,

накопленный трехмерным миром жестоких предрассудков. Сразу вытащил за ушко из теплых ячеек всех тупых чиновников, скрытых взяточников и коррупционеров, мешающих стране выйти из вековой нищеты. И назначил новых, честнейших идеалистов, в том числе его, и новое правление, наконец, сдвинуло страну из тысячелетнего нищенства во всеобщее процветание, наступила чудесная жизнь в спорах идей на вершинах мысли, мирно дополняющих одна другую.

Почему он не может, как того хочет большинство народа, сразу сковырнуть всю устоявшуюся тягомотину и установить Город Солнца? Чувствовал, как тяжело и малоподвижно все, чем живут люди. И захотят ли в самом деле выбраться из того, что их угнетает?

У чиновников пирамиды власти в голове ясная определенность планов, накладываемых на сырую реальность, и верно улавливают свою выгоду в четком следовании общей линии.

Это отнюдь не свойство унаследованных от предков генов, или так устроенного мозга. Извечно вертикальная система власти, устраняющая за неповиновение, обтесывает своих надежных солдат, как большевиков, «отлитых из стали», с готовым смыслом жизни, и не осознающих, отчего вдруг умирают. Это обычно ярые защитники общепризнанных норм, и не терпят ничего рискованного, расшатывающего их уверенность.

Глава часто ругал их за просчеты, как будто хотел перева-

лить на них свое бессилие, и свою ответственность. В других обстоятельствах, если бы их не связывал с ним тяжелый камень черной работы и ответственности за страну, они, наверно, были бы отличными товарищами, открытыми и достойными дружбы.

Другая ветвь власти – Парламент, общность все знающих горластых парней, и как любая общность, лишена индивидуальности и живет в «коллективном бессознательном», и в то же время раздираема своими интересами в рамках господствующей идеологии.

Депутаты обычно выбираются не по талантам и уму, не представляют общественные организации, таких мало, общество не структурировано, к тому же большинство причислено к «иностранным агентам» под воздействием концентрации полярных центров сил перед ожидаемыми угрозами извне. Кандидаты выхватываются из массы в провинциях по выбору местечковых царьков или с подачи сверху. Это в основном приезжие из сел, живут в искусственном мире кабинетов, залов заседаний и дворцов своей «Рублевки», ныряя в них прямо из автомобилей, забыв о расправленной от свободы природе своей родины, крестьянской привычке к экономии. «Понаехавшим» жилье и командировки оплачивает государство. В легкой городской жизни подзабыли о взаимопомощи, не подают руки утопающему, брезгают выносить за больными.

Многие депутаты живут в смещенной, нормативной ре-

альности, предлагая в основном запретительные проекты законов, и воображают свое торжество в их успешной осуществленности. И с удивлением слышат, что население воспринимает их как пустых болтунов. Это не маниловщина, а серьезное увлечение строительством воображаемых мостов, которые и вправду могут быть построены.

Самая главная черта избранников народа – жгучее переживание за нацию, чувство мести за нанесенные ей обиды, и торжество бывших и будущих побед. Националисты хотят содрать чужую кожу, как в ближней стране, отделившейся от тиранической империи и пытающейся стать нацией. Они упираются в это переживание, перенося ненависть уличных драк на споры с теми, кто не признает превосходства нации или даже равенство ее перед другими, называют их предателями и изменниками, «пятой колонной». А те ненавидят с такой же силой. И те, и другие любят свою родину, как и он, Глава, порвал бы за нее врагов.

Может быть, нельзя разорять родовое гнездо, пытаясь изменить в нем что-то? Это изменение должно быть естественным и долгим, и наверно, есть пределы, за которыми вообще гнездо будет разрушено. Стефан не желал нарушать равновесие сил, иначе его замысел мог бы показаться странным, и даже предательством в отчужденном большинстве жаждущих порядка.

Самоуверенные младореформаторы усмехались:

– Они всерьез готовятся к выборам, чтобы свалить нас.

На самом деле это игра. Госресурс все равно возьмет верх.

Только в чьих он руках? Глава чувствовал, что, судя по всему, Парламент берет верх, а его власть колеблется. И в их руках большая часть медиаресурсов.

Он понимал, что нельзя рубить с плеча. И продолжал осторожно менять людей. Стал подбирать соратников-«младореформаторов», благо бюджетных денег на этой должности хватало, не то, что в его партии в молодости. Но такой подбор тоже вызывал негодование, и даже распускались порочащие его слухи.

Поэтому очень не хотел приглашать только тех, кого знал и ценил, то есть узкий круг знакомых профессионалов. Но как иначе собрать свою команду? Надежды на избрание лучших не было – оно обычно проводится Парламентом, в избирательных участках в школах, на все готовых, вплоть до организации «вбросов» бюллетеней и бесплатных пирожков. Создается волна восторгов в средствах массовой информации по отношению к нужным кандидатам, искусственно раздуваемых Парламентом во всей стране, владеющим медиа и частью «государственных ресурсов», то есть средствами прочищения мозгов и деньгами.

*

Глава страны жил не как все люди – просыпался с глобальными мыслями и тревогами о стране и мире, постоянно

мотался на земле, в небесах и на море, в автомобилях, самолетах, на кораблях, жил в люксах гостиниц городов, в деревенских избах.

Встречался с массами людей из провинции, И вся его внутренняя жизнь вытеснялась: одни приветствовали его со счастливыми лицами, чувствуя стабильность, которую он несет, другие плакали из-за погибшего в пожаре дома, просили о помощи своим детям-инвалидам или умирающим от неизлечимой болезни. То есть у него внутри все было разорено, и полно бодрого оптимизма вечного вращения убыстренной сконцентрированной жизни.

Эта концентрация дает поверхностный взгляд на мир, что рождает формализм решений власти, меряющей среднюю температуру по больнице.

Особенно его мучил вид до боли родных сел, так и не восстановивших из тысячелетней нищеты.

Вспомнил свою первую поездку в глубинку. Странно, как резко разнится жизнь в столице и провинции. Дороги в ухабах, как в старину. На улицах много выпивших селян, здесь издревле пьют ежедневно. Посреди дороги лежат собаки, тоскуя о невозможности продлить их беззаботную жизнь вечно. В магазинчиках горы фруктов и овощей, и хомуты, в витринах сплошные консервы, фруктовые соки, сливовица, вина.

Темные бревенчатые избы, часто раскрашенные яркими красками, чтобы не умереть от тоски, спроворены

по древним лекалам: квадрата – земли, и круга – неба, словно и не существует иных градостроительных идей. У их насельников странное свойство – сорить сразу за порогом, словно за ним – все чужое. Иностранцы с удивлением слушают их плавную речь из согласных, на которых спотыкаются при чтении, вроде: срхска кухня, звезда, крст...

Но в глубине своих тенистых садов, прячущих вековую простоту быта, у них свой рай, свое мироздание, где может отдохнуть тело и уйти в свободу душа.

– Здесь начинается наша идентичность! – благоговейно говорил помощник.

Глава района широким жестом пригласил Главу страны пообедать у «одной из средних семей».

Дом крепкий, кирпичный, раскрашен в яркие цвета. Стол уже был накрыт: местное «импортозамещенное» вино, суп чорба с соленой питой (пирогом) по старинному рецепту, карпаччо с тыквой и... черными трюфелями.

Глава вопросительно глянул на вспотевшего главу района.

– Это не показуха. Трюфели местные. Находят в лесу с помощью наученных собак.

От присутствия власти семья забыла обо всем. Сейчас направленность ее сознания была в счастливую сторону, совершенно забыв о ссорах в семье из-за постоянных нехваток денег на мясо, лекарств для худеющей отчего-то дочери.

Он понимал, что видит только одну сторону подданных, затаенных, себе на уме.

Но что за этой направленной на него надеждой? Что таится в этой народной бездне? Ожидание, что он даст лучшую жизнь? А если они перестанут верить в его чудо, там может быть все. Он смутно угадывал: они и сами не знают, какие, может быть, жестокие выходы зреют в их душе.

У одного писателя ясновидящий персонаж, заглядывая в души людей, признался: у всех там одинаково – куча дерьма. Стефан не верил: в глубину жизни заглянуть невозможно, она отводит глаза. Вернее, ощущал ее по мутной глубине своей души.

Он появлялся в регионах, в самых неожиданных местах. Чиновники вздрагивали, увидев его внезапные пытливые глаза. Ему часто приходилось менять руководителей провинций по всей стране. Это называли «глава-падом», что вызывало удовлетворение в народе. Справедливость – это не вычитание зла.

Глава «наследил» везде, где побывал: даже на минуту проездом, и везде это событие отмечалось какими-нибудь табличками. Его медальный профиль отпечатан на монетах, портреты помещаются в газетах. Но он ничего не мог сделать, слишком укоренен патернализм, много добровольных поклонников вождя. Не напасешься монет и памятных досок! – думал он с неясным опасением.

Никто не понимает, что такое сознание

Мы, как увидел бы наблюдатель из иных миров, дебилы, обреченные природной ограниченностью мозга на умственную отсталость, воспринимаем, по мнению философов, лишь одну наблюдаемую реальность классической физики, ограниченной, как они говорят, 3-Д миром, «наружным материалом погибшей сверхновой 4-Д звезды, чей внутренний слой превратился в черную дыру». Мы видим внешнюю сферу реальности.

В мозгу мало осознанного. В большей части слепо ворочаются неосознанные внешние впечатления того, чего коснулись тактильные щупальца человека, а также отложившаяся в подсознании память предков. Там полно и напластованной пожухшей травы архаики, в которой есть надежда общины на вождя, чувство самосохранения и выживания, соборность, когда на миру и смерть красна.

Мой друг Нелепин говорит, что существуют альтернативные ненаблюдаемые реальности. Воспринимая одну реальность, дебилность нашего мозга не воспринимает ненаблюдаемые остальные, и потому создается иллюзия, что существует лишь одна альтернатива – классическая реальность.

Альтернативы недоступны в обычном сознательном со-

стоянии.

Если мы выключаем сознание (во сне, медитации, трансе) или обращаем его в экстаз творческого вдохновения и любви, то уплывает трехмерный мир и открывается доступ ко многим его альтернативам, причем вне времени. Это неконтролируемое взаимодействие с окружением.

Ученые объясняют: в глубинах сознания есть явление синхронии, то есть одновременности событий, объединенных общим смыслом, но без единой причины, – квантовое сознание. Когда сознание находится одновременно во множестве точек-событий. Интуиция математиков способна решать такие задачи, которые не могут быть сводимы к общему алгоритму, а значит, не решены вычислительным устройством. Это происходит с помощью микроскопических устройств в мозге – микротрубочек, работающих в квантовом режиме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.